

Катюша

Казимир шёл в магазин за свежей рыбой – мужчине жутко захотелось ухи. Поправив на голове светлую соломенную шляпу, он в очередной раз подумал о Саре. До чего же безмозглая женщина и авантюристка в придачу! Впустить в дом незнакомого мужика, да ещё и притворяться чокнутой, это же надо такое удумать! Строго говоря, могла бы и не притворяться. Потому что нормальной её можно назвать лишь с большой натяжкой. Она же по жизни, натурально, не умная! Но добрая. И это её качество немного примирило Казимира с существованием своей скудоумной соседки.

Недалеко от крыльца магазина, в который стремился мужчина, в тени старого тополя лежал маленький чёрный щенок с белым ухом и тяжело дышал. Кто-то сердобольный поставил рядом с ним пластиковую подложку с водой, в которой уже плавало несколько черных мух. Бока щенка часто сокращались, маленькие глазки были закрыты и облеплены сухими конъюнктивитными корочками, розовый язычок вывалился наружу и почти касался земли. Собачка ни на что не реагировала, и Казимиру было не понятно – пёсику стало плохо или он просто разомлел на жаре.

Войдя в прохладное помещение магазина, мужчина сразу же направился в сторону рыбного отдела. После него он зашёл за молоком, затем за хлебом, а в бакалее прихватил пакетик с чёрным перцем, без которого уха – не уха. Рассчитавшись за покупки на кассе, Казимир покинул прохладный и гостеприимный „SPAR”.

Маленький чёрный щенок с белым ухом по-прежнему лежал на земле и не реагировал на окружающий мир. Мужчина снова зашёл в магазин, чтобы купить бутылку питьевой воды. Вернувшись к щенку, он сначала вылил немного воды ему прямо на голову, чуть залив глазки и чёрный сухой нос, а затем осторожно попытался влить несколько капель живой влаги пёсику в пасть. Не поднимая головы, кутёнок вяло сглотнул.

Казимир растерянно топтался на месте. Он не знал, как ему правильно поступить. Взять пёсика к себе домой он не мог из-за возраста, а оставлять его умирать под палящим солнцем – не позволяла совесть. Вылив тёплую воду с мухами, Казимир налил в подложку остатки свежей воды из своей бутылки. Покрутившись ещё немного рядом с чёрным кудрявым щенком, старик горестно вздохнул, и понуро опустив голову, направился в сторону своего дома.

На кухне он разобрал авоську, почистил картошку и лук, и начал колдовать над будущей ухой.

...Сара шла с маникюра. Всё же ухоженные руки – это великая вещь! Правда, с возрастом она стала больше обращать внимание на ухоженность чужих ног. Почему-то у человека, долго прожившего свою жизнь, нижние конечности всегда выглядели значительно хуже верхних. Солнце светило необычайно ярко и казалось, что из города выкачали весь воздух. Сара размышляла, куда ей лучше податься, в любимое кафе – на мороженку и чай или сразу домой – на компот и зефир. Решив, что мороженое предпочтительнее, зашла в кафе и направилась к своему столику. Приятная молодая официантка приняла у неё заказ, после чего направилась к другому столику.

...Спустя двадцать минут удовлетворённая и посвежевшая Сара бодро шагала в сторону своего дома. Неспешно приняв душ и переодевшись, она вышла покурить на балкон, а заодно полить горшки со своими любимыми петуниями, которые щедро высаживала каждое лето. Сара привычно посмотрела в сторону левого балкона соседа и, как по заказу, через мгновение на него вышел Казимир.

– Доброго дня!

Мужчина угрюмо посмотрел на Сару и молча кивнул в ответ. Сара удобно облокотилась на перила своего балкона:

– А шо ви мене так киваете, как будто мы не знакомы? Или ви меня, не дай Бог, уже забыли благодаря Альцгеймеру, хотя откуда вам такое счастье?

Казимир глубоко затянулся сигаретой и беззлобно ответил:

– Шоб я вас так забыл, как я вас помню!

Сара внимательно посмотрела на мужчину, сосед был явно чем-то расстроен.

– Казимир Исаакович, ви хорошо себя чувствуете?

– Прекрасно чую, спасибо.

– А шо тогда с вашим лицом?

– А шо с ним не так?

– Ви выглядите так, будто у вас зуб болит...

Казимир покачал головой:

– Понимаю, шо вам би очень хотелось, но нет!

Сара решила зайти с другого боку:

– А сердце не шалит?

– Не шалит.

Казимир затушил сигаретку и молча покинул балкон. Его сердце не болело в классическом понимании этого слова. Но с обеда в левом боку старика мучительно щемило из-за воспоминаний об умирающем кудрявом щенке со смешным белым ухом.

Ближе к вечеру Сара задумала вынести мусор. Во дворе она заметила Казимира, неторопливо идущего в попутном направлении с чёрным пакетом в руках.

– Шо, сосед, тоже не любите, когда мусор ночует дома?

– Не люблю. Зимой ещё ладно, а летом никогда!

На обратном пути Казимир вынул из кармана пачку сигарет и, махнув рукой в сторону своей лавочки, проговорил:

– Покурим-ка?

Сара бросила взгляд на маленькую серебристую упаковку, согласно кивнула и присела на лавочку. По странному стечению обстоятельств, уже много лет они курили одну и ту же марку сигарет. Женщина искоса рассматривала курившего Казимира. Что-то в его облике говорило ей, что с мужчиной приключилась беда. Не выдержав, мягко спросила:

- Сосед, скажите мне уже за то, что вас так расстраивает?
- Всё нормально. Вам, таки, показалось.
- Это вам, таки, показалось шо я дура! Ви же знаете, шо я не отстану!

Мужчина искоса посмотрел на Сару и вздохнул:

- Ви да.. Ви не отстанете.

Улыбаясь, женщина согласно качнула головой.

- Начинайте.
- Я сегодня видел щенка.
- И он, таки, вас покусал?
- Нет... Он умирал, а я его бросил..

Голос Казимира дрогнул.

– Сара... Ну, скажите мне за то, куда я его возьму? Мне скоро девяносто... Сколько дней у меня осталось? Я его сейчас возьму, а потом сдохну, и его снова выкинут на улицу!

Сара цокнула языком:

- Почему ви считаете, шо ви его бросили, хочь он не ваш?
- Я его нашёл.
- Где ви его нашли?

Казимир махнул рукой в сторону магазина:

– Да там... у „Спара”. Я в магазин пошёл, а он под деревом лежит с языком на земле... Маленький такой.

Мужчина сложил рядом две свои ладони:

– Вот такой... Кудрявистый, а одно ушко белое.. Купил ему воды, хотел напоить. Да, куда там... Нет сил у собачонка.

Казимир сокрушённо покачал головой. Сара повела бровью:

- Так это ви из-за него так расстроились?
- Я снова предал животинку, ви понимаете?
- Не понимаю.
- Знаете, Сара, когда-то у меня уже была собака...

Казимир в три затяжки докурил свою сигарету и тут же прикурил новую:

– Во время войны мамка и бабушка поумирали и остался я в доме один. Малец совсем. Соседи меня подкармливали, конечно, как могли... Но та первая зима для меня одиночки была самой страшной. И самой голодной. И вот, однажды появилась около моих ворот собачонка. Мелкая, тощая, вся в колтунах. Я за водой в колодец пойду – и она рядом. Я за дровами – и она тут же, в ногах трётся. У нас под воротами сантиметров двадцать просвет был, вот она в него и пролазила во двор-то...

Сара затихла. Казимир говорил с долгими паузами, в которые жадно затягивался сигареткой.

– В общем, однажды успела она за мной в дверь прошмыгнуть, когда я в хату заходил. А в тот вечер ещё такая метель разыгралась, спасу нет... Ну, и оставил я её у себя, шо б не сдохла. Да и вдвоём, всё ж, нет так одиноко. И именно в этот вечер соседка занесла мне гостинец – варёное яичко...

Казимир часто заморгал, как будто пытался избавиться от невидимой соринки.

– Я помню, так обрадовался! Очистил его и ем крошечными кусочками, шо б надолго хватило. А собака рядом вьётся, скулит, просит себе тоже... Ну, я подальше от неё на кровать-то залез...

Казимир поперхнулся дымом.

– Она следом. Морда худая у неё, рыжая, одни ореховые глазищи остались, да нос черный... Смотрит на меня, скулит... А в глазах слёзы.. И я, чтобы не видеть эти глаза её молящие, зажмурился... Запихал остатки яйца в рот и начал быстро, быстро жевать. А она скулит, и лицо мне облизывает, просит яичко-то...

Чуть подрагивающими руками Казимир стряхнул пепел с сигареты.

– Как она плакала, Сара... Ви бы слышали, как она плакала и кушать просила...

Старик шумно выдохнул воздух и продолжил:

– И я плакал вместе с ней. Потому, что мамки моей больше нет и я никому не нужный. От голода плакал. И ещё от стыда, что не дал ей ни кусочка..

Сара осторожно погладила Казимира по плечу, но он кажется даже не заметил прикосновения её руки.

– А потом она вдруг перестала скулить. Поставила мне лапы на плечи и давай слезы с лица слизывать. Она жалела меня, Сара. Представляете? Я, таки, струсил, испугался за свою смерть и пожадничал ей крошечки варёного яичка. А она меня жалела...

Казалось, что мужчина снова переживал события того страшного года – холодного и голодного, полного одиночества, тоски и страха. И в это мгновение он уже не был стариком, сидящим рядом с Сарой на лавочке, нет. Он был маленьким голодным ребёнком, замерзающим в пустой избе и плачущий на кровати вместе с худой рыжей собакой.

Сара тихо спросила:

– Она...умерла?

По лицу Казимира пробежала улыбка.

– Зачем умерла? Выжила. И мне выжить помогла – грела холодными ночами своим тёплым телом. Я после того случая её всегда кормил. Бывало, отварю картошку, откушу от неё кусочек и с руки скармливаю. Правда, кормил всегда с зажмуренными глазами. Знаете, боялся, шо увижу, как она мою картошку ест, и сожму кулачок-то... Уж больно голодно мне тогда было. Так мы с ней сестру с фронта и дождались.

– А как ви её назвали?

– Катюшей назвал. Катькой, по-домашнему

Казимир смущённо улыбнулся:

– Ребёнок же был... В честь нашей советской пушки назвал.

Сара тронула Казимира за руку:

– Я,таки, не поняла, почему ви говорите, шо предали снова? Катька-то ваша с вами же осталась, спаслась.

Казимир провёл шершавой ладонью по лысой голове:

– Понимаете, я ж тогда не дал Катьке яичко, забоявшись своей смерти. И сегодня щенку не помог, опять убоявшись, шо сдохну. Ну, заберу я его к себе. Поживёт он у меня год, другой – в счастье, а потом – шо? Меня на погост, а собаку на улицу?

Сара задумчиво посмотрела в закатное небо. Вздохнула.

– Счастье может продлиться миг. А может – день. Десять лет. Неважно. Цена у него всё равно будет одна – хочь за час, хочь за пол жизни. Потому как, оно бесценно.

– Это ви к чему клоните, соседка?

– К тому, шо не нам с вами решать – когда и кому давать счастья. И в каком количестве. Надо просто давать и всё... Сколько смогут, столько и унесут.

С этими словами она поднялась с лавочки и не прощаясь, пошла к своему подъезду.

...Казимир вернулся к себе в квартиру и заложил под язык таблетку валидола. За окном во всё небо горел закат – багряный и тягучий, как мёд. На столе перед телевизором зазвонил телефон. На другом конце провода Сара деловито поинтересовалась:

– Скажите мне сосед, ваша морковка ещё ездит?

Мужчина ошалел от вопроса.

– Какая морковка?

– Ваш лотерейный „Москвич”, конечно же! А не то, за шо ви себе подумали.

– Ездит. Вам зачем?

– Берите ключи, я жду вас внизу!

– Сара, зачем вам моя машина?

– Надо!

Казимир покачал головой.

– А мне не надо. Я давно в пижаме. И, таки, одной ногой уже почти в кровати!

– Казимир, если вы сейчас же ко мне не выйдете, то я вам обещаю, что одной ногой вы будете почти в могиле! Жду вас через десять минут!

...Казимир вышел из подъезда и увидел Сару, нервно ходящую рядом с его „Москвичом”. Соседка скомандовала:

– Едем!

– Куда?

– К „Спару”, куда же ещё!?

Лицо Казимира озарила улыбка. Он засуетился, открывая ключом замок на двери своего старенького автомобиля. Чуть позже они подъехали к высокому тополю, растущему у магазина. Щенок лежал там же, где его ближе к обеду оставил Казимир. Маленький розовый живот больше не поднимался в бешеном ритме дыхания, крошечный язычок безвольно висел из пасти. Казимир застыл, не имея сил убрать руки с руля. Он понял, что малыш помер, так и не дождавшись помощи.

Сара решительно вышла из машины и двинулась в сторону кудрявого трупика. Она осторожно коснулась пальцами неподвижного тела и уже в следующую минуту аккуратно заворачивала пёсика в захваченную из дома наволочку. Осторожно усаживаясь в машину, проговорила:

– Быстро в „Айболит”!

Не веря своим ушам, Казимир тихо спросил:

– Жив, что ли?

– Жив...

В ветеринарной клинике старики нервно расхаживали по холлу больницы в ожидании вердикта врача. Наконец, доктор вышел из закрытого кабинета, в который до этого унёс их найдёныша.

– Расклад такой. Обезвоживание, перегрев, низкая масса тела, проблемы с работой сердца, конъюнктивит, блохи и наверняка глисты. Это то, что очевидно на первый взгляд. Кровь на анализ мы взяли. Сделали рентген – все кости, к счастью, целы. В целом, картина может и не очень, но организм молодой – должен справиться!

Казимир впервые за вечер улыбнулся.

– Что мы можем для него сделать?

Врач с сомнением посмотрел на пожилую пару:

– Хорошо бы оставить его у нас на ночь под капельницей. А ещё лучше, если бы он побыл в клинике несколько дней. Мы бы его прокапали, помыли, обработали бы от парази-

тов. Завтра утром будет специалист – сделали бы УЗИ. И вообще, подлечили бы малыша, подержали бы на специальном питании. Но это стоит денег...

Сара и Казимир ответили хором:

– Мы согласны!

Казимир застенчиво спросил врача:

– Скажите... Наш щенок – он мальчик или девочка?

– Девочка.

Мужчина улыбнулся:

– Ага... Катькой будет.

Сара одёрнула:

– Катюшей!

...На обратном пути, возвращаясь на машине домой, соседи пришли к соглашению, что жить Катюша будет с Казимиром и гулять с ней тоже будет он. Но если вдруг приболеет, тогда на выручку сразу же придёт Сара.

– Сара, дайте мне слово, шо если я умру первым, а я таки, умру первым, я старше, ви заберете Катюшку к себе...

– Только посмейте сбежать раньше меня!

– А то шо?

– А ни шо! Пожалеете о своём поступке ещё не добравшись до гроба.

– Только не вздумайте меня опередить, женщина! А то я вашу породу знаю. Брык, и в дамках! А у нас дитё...

Лара РАСТОРГУЕВА.